

"Основы педагогики", у Гессена складывается из ряда положений и основное из них то, что личность формируется посредством приобщения к миру духовных ценностей, что понятно, а также посредством творческого преодоления культуры. Третье царство есть царство смысла и проникновение в него есть истолкование, а не объективирующее описание или субъективирующее понимание. Истолкование смысла есть постижение субъективного акта оценки как субъективного отношения к тому, что обладает значимостью.

Учеником В. Виндельбанда был и Федор Августович Степун. Если характеризовать его взгляды, например, отношение к истории в целом, то здесь он демонстрирует вполне «баденские» взгляды, в основе которых – учение о ценностях. Например, анализ его статей «Трагедия творчества», «Освальд Шпенглер и «Закат Европы» даёт нам такую картину:

- отправная точка – учение о ценностях состояний и предметных ценностях как формах единства и множественностях экстенсивного и интенсивного характера. *Предметные ценности* – культурное творчество, активное действие; эта форма единства никогда не является положительным всеединством, так как является отрицающим множественность. Объединяющий центр формируется путем удаления от объединяемого. Эти ценности могут быть разложены на почве закона противоречия; в отношении такой ценности возможно привнесение такого момента, в сочетании с которым эта ценность меркнет. К *ценностям состояний* относится переживание, творчество жизни – сфера пассивного, где возможно положительное всеединство духа. Объединяющий центр этого единства лежит в одной плоскости с объединяемым, не отдаляясь от него; антиномии здесь невозможны.

- поскольку отличительной особенностью истории (в сравнении с искусством и философией) является её большая близость к жизни, то есть к ценностям состояния, а требования научности «разворачивают» историю к предметным ценностям, то история как наука, как система знаний, всегда будет ареной споров и дискуссий.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Ю.Г. Тамбиянц, г. Краснодар, Россия

Политические процессы современности весьма многообразны и неоднозначны. Собственно, весь двадцатый век не утихали споры по поводу оптимальной социально-политической структуры, обеспечивающей наилучшее управление и регуляцию общественными процессами. Вплоть до краха советской системы выбор сводился фактически к двум вариантам – демократии, где во главе угла ставится выборный принцип, а также альтернативных систем, основывающихся на

решениях иницируемых «сверху». Последние имеют несколько форм и соответственно обозначений – монархия, диктатура и т.п. Саморазрушение социалистического лагеря, казалось бы решало подобный спор в пользу демократии. Однако нынешняя ситуация заставляет полагать, что вопросов возникло значительно больше, чем ответов.

Восторги известного либерального исследователя Ф.Фукуямы, видевшего в движении к демократии своего рода признаки нравственной эволюции сейчас выглядят, по меньшей мере, наивно. Современный британский мыслитель К. Крауч характеризует нынешнюю политическую жизнь как «постдемократию». Здесь нет отрицания собственно демократии. Приставка «пост-» используется так же, как она используется, например, в понятии «постиндустриализм». Подобно тому, как постиндустриальные общества продолжают пользоваться всеми плодами индустриального производства, направляя хозяйственную энергию не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности, так и постдемократические общества сохраняют и будут далее сохранять все формальные черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, публичные дебаты и т.п. Однако «энергия и жизненная сила политики вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, - к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии» [2, с.8-9]. Близких позиций придерживается американец К.Лэш, который назвал свою последнюю книгу «Восстание элит и предательство демократии».

В общем плане преимущества структуры, формируемой на основе выборов, видятся ее сторонникам (Ч.Тилли, М.Делягин) в том, что в этом случае обеспечивается наиболее полный учет общественных интересов. Если обратить внимание на альтернативные варианты, то здесь действительно предполагается существенное значение субъективного фактора – личности монарха или диктатора. Однако тезис, что именно демократия руководствуется общественными интересами в наиболее полной мере, вовсе не выглядит столь уж неувязным.

Во-первых, в условиях информационного общества общественные интересы зачастую формируются искусственно. Об этом написано немало работ известными исследователями (В.П.Пугачев, С.Г.Кара-Мурза, М.Г.Делягин, В.А. Лисичкин, Л.А.Шелепин и др.).

Во-вторых, имеется ряд случаев, когда при демократии общественное мнение попросту игнорируется. В подобной ситуации на первый план выходит не общественный интерес, а какой-то иной – групповой, классовый. Пример - итоги апрельского референдума о сохранении СССР, когда подавляющее большинство высказалось за сохранение Союза, тем не менее, он перестал существовать в конце того

же года. Или выборы Президента США в 2000г., когда набравший фактическое большинство А.Гор, тем не менее, был объявлен проигравшим.

Наконец, в-третьих, демократические политические системы также дают сбои, чему есть множество случаев в истории. Если заглянуть глубоко назад – динамика античного Рима от монархии к республике, а затем снова к монархии нового типа (принципату). В двадцатом столетии демократический опыт Португалии и Испании для первой ознаменовался чередой военных переворотов (смена около 40 правительств с 1911 по 1928гг.), а для второй и вовсе привел к кровавой гражданской войне 1936-1939гг. Обе названные страны сумели выправить положение, установив относительно умеренные диктатуры [7].

Ставя под сомнение оптимальность демократической структуры, мы не объявляем о своей приверженности альтернативным вариантам. Как в истории, так и в нынешнем мире достаточно случаев монархий, диктатур, игнорирующих общественные потребности, а, стало быть, неэффективных. Мы считаем уместным ставить вопрос о том, что в ходе анализа политической составляющей ее оптимальность и эффективность в первую очередь определяет не структура, а вектор, направленность политики.

Если обратиться к идеям классиков элитизма (В.Парето, Г.Моска, Р.Михельс), то через разнообразие их теоретических изысканий четко просматривается один очень важный тезис. Все они ведут речь о некоей универсальной модели поведения элиты, независимо от пространственных и временных характеристик. Социальная верхушка стремится к закрытости и максимальному обеспечению незыблемости собственного положения. И не столь уж важно происходит ли это в условиях демократической или авторитарной политических систем – все эти условия элита переориентирует в направлении собственных, но не общественных потребностей. Следует признать, что в условиях авторитарной структуры возрастает значение силового давления, тогда как при демократии упор делается более на информационные ресурсы, а сила обычно применяется в качестве последнего аргумента. Тем не менее современные элиты сумели практически полностью приспособить демократические системы под свои групповые задачи, на что обоснованно указывают ряд авторитетных авторов [2], [3], [4], [6]. Так, например, отбор политических лидеров, принимающих основополагающие решения, происходит под неусыпным контролем ведущих международных корпораций. В этом случае обеспечивается приоритет классового, а вовсе не общественного (национального) интереса. Выдвижение на высшие посты лояльных фигур – вполне типично для элитных групп. И в условиях нынешней «постдемократии» (по выражению К.Крауча) что-то не видно возможностей повернуть этот процесс вспять - современные элиты

стараятся не допускать случайностей. Странно или нет, но в условиях монархии имеется своеобразная лазейка, когда у власти может оказаться личность, не во всем послушная элите. Речь идет о принципе престолонаследия, который последняя зачастую обойти не в силах. Яркий отечественный пример – избрание Михаила Романова российским самодержцем, выдвинутого боярством в качестве послушной и неопасной для себя фигуры. Затем царствование Алексея Михайловича, наделенного красноречивым прозвищем «Тишайший», но на смену которому пришла ярчайшая личность Петра Первого, устроившего основательную перетряску боярским группировкам. В зарубежной истории можно встретить не так уж мало примеров монархов, воля которых была направлена именно на общественные интересы, что далеко не всегда нравилось элите. Это король лангобардов Лиутпранд, китайский император Тайцзун (Ли Шиминь), король Англии Ричард Третий и ряд других фигур.

Нам представляется, что субъективный фактор, играет все большую роль в современной политике. Именно политическая воля лидера во многом определяет эффективность реализации общественных потребностей, тогда как структурная составляющая играет подчиненную роль, завися от этой политической воли. Отсюда уместно обращать внимание не столько на структурные характеристики конкретной политической системы, сколько на направленность политических решений. Этот момент адекватно отражают термины, характеризующие эту направленность. Если политические решения отражают общественный интерес, есть смысл употребить термины «национальная политика», «национальный лидер», «национальное государство». В случае политики, направленной на реализацию групповых (классовых) интересов речь должна идти о «классовой политике», «классовом лидере» и, соответственно, «классовом государстве». История и особенно современность полнятся примерами классовых диктатур и классовых демократий (современная «постдемократия» К.Крауча). Дело в том, что фактор глобализации в целом работает на усиление классовой дифференциации, а, стало быть, и классовой политики. И здесь выдвижение на руководящие посты личностей, обладающих способностями и умом государственных лидеров, есть важнейшее условие формирования надклассовой (национальной) политики, направленной на интересы всего общества.

Литература:

1. Кочетков, А.П. Корпоративные элиты / А.П. Кочетков. - М., 2012.
2. Крауч, К. Постдемократия / К. Крауч. - М., 2010.
3. Къеза, Дж. Война империй: Восток-Запад. Раздел сфер влияния / Дж. Къеза. - М., 2006.

4. Лэш, К. Восстание элит и предательство демократии / К. Лэш. - М., 2002.
5. Пугачев, В.П. Управление свободой / В.П. Пугачев. - М., 2005.
6. Роткопф, Д. Суперкласс. Те, кто правит миром / Д. Роткопф. - М., 2010.
7. Тамбиянц, Ю.Г. Почему побеждает либерализм: Осмысление механизмов взаимодействия идеологии и социальной иерархии / Ю.Г. Тамбиянц. - Ростов на Дону, 2006.
8. Тили, Ч. Демократия / Ч. Тили [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://libertynews.ru/node/>.

ПРОБЛЕМА ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФИИ ОБЩЕНИЯ И. А. ИЛЬИНА

М.В. Финько, г. Ростов-на-Дону, Россия

После выхода в свет собрания сочинений известного русского религиозного философа И.А.Ильина, начался активный процесс их анализа и освоения, длительный по времени, дискуссионный по содержанию. Сегодня является очевидным, что он довольно сложен, так как оказалось, что одно дело повторить, пересказать и прокомментировать обозначенные философом темы духовности, веры, нравственности, другое – осознать и понять его идеи в условиях современного научного и философского знания с учетом социальных и культурных реалий.

На наш взгляд, несмотря на опубликованные работы, в которых исследуются разные направления творчества Ильина, интерес к его личности, особому способу философствования, достаточно высок. Этот интерес, в первую очередь, обусловлен его подходом к формулированию концептов, выражающих осмысление индивидуального и национального бытия, души и менталитета, религии и нравственности.

Рассматривая пути развития человечества в контексте духовного кризиса, философ приходит к выводу, что носители ценностей постмодерна, погружаясь в поток чувственных удовольствий, разрушают основы духовной культуры, базовых основ жизни. В этой связи, сделанные им выводы, помогают анализировать современные явления с позиций противостояния разрушительным процессам, увидеть ориентиры, осознать роль духовных сил в развитии общества, необходимость целостного подхода к их решению.

Особое место в философии И.А.Ильина занимает проблема духовности, как и многие другие представители русской эмиграции, пережившие сложные периоды социальных потрясений, философ наиболее остро прочувствовал как важно в жизни человека и всего общества духовное самоопределение. Их убежденность в том, что основу человеческого общества составляет начало духовное, помогала каждому